

Закончился Год Рубцова в России. Читая его стихи, можно ощутить их аромат, почувствовать, как прикасается ветер к его строкам, словно к нежным, чистым лепесткам, как тревожно сгущается темнота, и огни далёких деревьев всё явственнее мерцают откуда-то из глубины вологодских лесов.

Все эти простые и одновременно насыщенные богатством звуковых оттенков образы воспринимаются сердцем, интуитивно, но... их почти невозможно постичь разумом, путём анализа. Именно поэтому так сложно говорить о поэзии Николая Рубцова, а исследователей и любителей его творчества подстерегает ряд трудностей, которые, увы, далеко не всегда и не сразу удаётся преодолеть.

Все проблемы рубцоведения особенно явственно обнаружили себя в ходе научных конференций, которые прошли в городе Тотьма и селе Никольское Тотемского района Вологодской области 21–24 января 2016 года, в Москве 24–25 февраля 2016 года, а также в Череповце 24–25 мая 2016 года. Порадовал как состав участников, приехавших из самых разных регионов России и зарубежья, так и общая атмосфера мероприятия – рабочая, заинтересованная, при этом очень тёплая и дружелюбная. Об этих интересных событиях я и хотела бы рассказать.

Москва: “Формула” поэзии Николая Рубцова

В чём же заключается притягательная сила творчества Николая Рубцова? Слова-то он ведь использует простые, всем знакомые, а на душу так и ложатся! Многие уверены: если разгадаешь – найдёшь ключ к поэтике Рубцова, и приоткроется сущность русской литературы второй половины XX века.

По словам Алексея Варламова, ректора Литературного института, Рубцов стал одним из людей, который разбудил в нём русское чувство.

“По своему воспитанию я был классическим советским ребёнком, который на вопрос о своей национальности разводил руками. Все мы советские. Когда я впервые услышал Рубцова, его стихи и песни, я испытал очень русское чувство, оно затронуло важные струны души. Думаю, умение Рубцова воздействовать на человека и лично достучаться до каждого сердца – это поразительный дар...” – утверждал Алексей Варламов.

Для понимания творчества Рубцова душа читателя должна обрести определённые свойства, дорасти, стать открытой для воздействия его образов. Об этом размышлял профессор Литинститута Владимир Смирнов:

“Есть несомненные шедевры. Причем в масштабе всего стихотворения, а не какой-то отдельной строфы, строки, образа или ритма. Просто вся вещь является своего рода совершенством, когда нечего добавить. Всё сделано не декларативно, а в традициях русского лиризма”.

О кристальной законченности образов поэзии Рубцова говорили и другие, отмечают, что **по изяществу инструментовки многие стихи Рубцова напоминают символистов конца XIX века, а за пушкинской простотой скрыты колоссальные смыслы.** Какие именно? Это раскрывалось в докладах Ольги Москвиной, Ларисы Тимашовой, Аллы Науменко-Порохиной, Веры Филипповой, Галины Прохоровой, Екатерины Никаноровой, Лу Вэнья, Гун Цинцин и др.

Уже традиционной стала тема Рубцов и Есенин. Как правило, исследователи отмечают, что по своей эмоциональной напряжённости стихи Николая Рубцова звучат трагичнее, в них больше тревожного шелеста осенних листьев и неясного витания “печальных звуков”. Поэтому слова Игоря Волоскова прозвучали неожиданно:

“В отличие от Есенина, чей художественный мир знаком с осознанием трагического разрыва с родной крестьянской средой, поэтические творения Рубцова проникнуты гармонией, мудростью, благодарностью судьбе за посланные испытания. Несмотря на мотивы странничества, скитальчества, малая родина для Рубцова продолжает оставаться той духовной скрепой, которая поддерживает его в трудные минуты”.

Думается, что, сравнивая творчество двух поэтов, мы сможем полнее раскрыть нюансы их художественного мира, и эта линия требует углублённого раскрытия. В выступлении Тамары Кудрявцевой Есенин представлен “крестьянским символистом”, а Рубцов – “символистом 60-х годов, другой эпохи, другого генезиса”.

О символизме в поэзии Рубцова говорилось немало. Как справедливо заметила Мария Акимова, время и пространство Рубцова зачастую оказывались условными, зато обретали внутреннюю напряжённость и динамику сюжета из противопоставлений “свой” – “чужой”, “светлый” – “тёмный”.

При этом мир поэзии Рубцова лишён наносного лака, символы кристаллизуются из глубины реальности, а не создаются искусственно, ради красоты. Это хорошо видно, если сравнить морскую тематику Рубцова и Высоцкого. Такую неожиданную тему предложил доцент Череповецкого государственного университета Алексей Новиков. “Творчество Рубцова и Высоцкого имеет принципиальное различие, не позволяющее излишне сблизить их”, – пояснил он. Действительно, если стихи Рубцова наполнены конкретикой жизни мореплавателя, то художественные образы Высоцкого написаны для фильмов и носят игровой характер: “Морские впечатления Высоцкого были связаны с путешествиями и круизами. Образ мужественного героя, вступающего в борьбу с ситуацией, характерен для массовой литературы. Обратите внимание, что в песнях Высоцкого фактически отсутствует описание моря. Тогда как **для Рубцова море – это не только место суровых испытаний, проверка мужества, но и источник высокого поэтического вдохновения. Попытка включить Рубцова в круг бардовской поэзии представляется необудительной”.**

Прозвучала на конференции и совсем редкая тема, которую обычно стараются не трогать. Стихотворение “Добрый Филя” Рубцова. Именно этот образ чаще всего встречает непонимание и внутренний протест у издателей. В этом я убедилась лично. Статьи, посвящённые анализу, например, стихотворений “Журавли”, “Тихая моя родина” или “Видение на холме”, охотно публиковали, а вот при упоминании “Доброго Фили” лишь снисходительно улыбались... “Слишком уж просто. Несерьёзно. Да это шутка какая-то”, – таковым было их мнение.

Удивительно, но именно этим стихотворением открылась конференция в Институте мировой литературы! Его прочитала зав. отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы Наталья Корниенко и пояснила: “Мы понимаем, здесь присутствует та простота, которая является самой трудной для исследования”. Также она сравнила образ “Доброго Фили”, который символизирует русскую судьбу, с “Добрый Кузей” в рассказе Андрея Платонова, юродивого, всё отдающего людям. Когда-то Платонов отнёс этот рассказ в редакцию “Нового мира”

и получил краткий ответ: “НельзЯ”. Что же, времена и судьбы причудливо рифмуются. . .

К сравнению творчества Рубцова и Платонова участники конференции обращались ещё не раз. Так, Сергей Федякин, доцент Литературного института, заметил, что двух писателей роднит ощущение сиротства. Имеется в виду не столько личное сиротство, факт биографии, но переживание сиротского состояния всего мира. “У Рубцова свет идёт над землей или от звёзд, — отметил Федякин, — а земной мир представлен скудным пейзажем, в описании которого продолжается линия Тютчева, когда в бедности светится святость. Постоянно присутствует картина запустения, “тина теперь и болотина”, “купол церковной обители // яркой травой зарос...” Довольно безрадостный взгляд! Однако свет, который пронизывает рубцовскую поэзию, пробивается сквозь рубища. . .”

Прозвучали на конференции и воспоминания о Николае Рубцове. Поэт **Валентин Сорокин** рассказал о том, каким был Рубцов на самом деле, без “чёрного глянца”. По словам Валентина Васильевича, он был доверчивым, мудрым и очень благородно-осторожным человеком.

“Поэт и певец. Его стихи неотделимы от песни. Это свидетельствует о том, что слово, которое он брал, по своему свету и благородству едино с внутренним переживанием поэта...”

Главный редактор журнала “Наш современник” поэт Станислав Куняев рассказал о том, как впервые встретился с Николаем Рубцовым, когда в 1961–1962 годах он работал зав. отделом поэзии в журнале “Знамя”.

“Ко мне всегда заходило много студентов, молодых поэтов — это было как раз по пути в Литературный институт. Как не зайти? И вот вечером летнего дня, только я собрался уходить, открывается дверь. Входит человек. Худенький, с костистым лицом, с большими залысинами, в неглаженной рубашке, и говорит так робко, что стихи хотел бы показать. А я уже уставший от рабочего дня, начитавшийся рукописей, отвечаю: “Ну, давайте дня через два-три?”

— Да я завтра уеду. . .

— Куда?

— В Вологду.

Ну, как тут не посмотреть! Открываю стихи — они были напечатаны подслеповатым шрифтом на старой, видимо, машинке — и вдруг читаю:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Меня как током ударило!

— Кто Вы? Как Вас звать?

— Николай. . .

Вот такое знакомство состоялось. После этого мы переписывались. . . И много других событий было”.

“В моём семинаре по текущей литературе был Рубцов, — поделился профессор Литературного института **Борис Леонов**. — Зашёл разговор о шолоховском рассказе “Судьба человека”, и Коля Рубцов говорит: “А жаль, что Шолохов не показал, хотя бы на 2-3-х страничках, пребывание Андрея Соколова в нашем лагере за то, что он был в плену у фашистов. Таких задач Шолохов перед собой не ставил, и поэтому мы имеем Солженицына”.

Вот это его короткое единственное выступление я запомнил на всю жизнь”. Воспоминания такого рода ярко характеризует поэта, действительно, помогают раскрыть особенности его лирики.

Тотьма: о границах реалистичности

На конференции, что проходила в Тотьме, обсуждение докладов вылилось в несколько дискуссий о природе творчества Николая Рубцова: рассматривались вопросы историзма его поэзии, оправданности анализа художественных образов сквозь призму православия, а также особенности преломления реальной действительности в поэтическом тексте. Все эти вопросы относятся не только к рубцововедению, но и к базовым проблемам интерпретации художественных текстов в целом.

Так, например, оправдан ли вопрос об историзме и документальности поэзии в принципе, если даже сюжеты и образы классической литературы не дают полного соответствия реальности, по ним невозможно составить представление о том, “как это было на самом деле”.

Взгляд на русскую классическую литературу как на прямую и непосредственный источник информации о российской действительности был закреплён официальной идеологией советского периода. С этих позиций изучалась (и продолжает изучаться сегодня) литература в школе, что приводит к созданию мифов. Молчаливо предполагается, что по литературным образам можно с достоверностью судить о жизненных реалиях, то есть литература равна жизни.

Попробуем интерпретировать, например, творчество Гоголя исключительно как реалиста и социального сатирика (что и предлагал Белинский). И с легкостью придём к страшным обобщениям: если городничий в “Ревизоре” наделён отрицательными чертами, то, следовательно, большинство городничих того времени были такими же, а Россия сплошь заселена Хлестаковыми, Плюшкиными, Ноздрёвыми, Собакевичами...

Однако Гоголь именно создавал, конструировал своих персонажей, а не списывал их с натуры. Это подтверждается и его собственным признанием:

“Эти ничтожные люди, однако ж, ничуть не портреты с ничтожных людей; напротив, в них собраны черты тех, которые считают себя лучшими других... Тут, кроме моих собственных, есть даже черты моих приятелей... Мне потребно было отобрать от всех прекрасных людей, которых я знал, всё пошрое, гадкое, которое они захватили нечаянно”.

Метафизичность зла означает, что оно изображено в нарочито концентрированном виде, рассмотрено через увеличительное стекло писательского метода.

Подобным образом произведения любого писателя (за редким исключением) не являются слепком с реальности, а все упреки в несоответствии литературного материала и материала жизненного свидетельствуют о непонимании сущности творчества.

“Говорить о достоверности поэзии Николая Михайловича Рубцова преждевременно, — размышляет историк Александр Быков. — Все образы стихотворения “Морошка” не реалистичны. Кукушки на болотах не живут. Морошка поспевает в июле месяце (никак лето не кончилось, мой друг!). Птица коростель кричит только в июле месяце, а 10 августа она улетает в Африку. И Рубцов всё это прекрасно знал”.

Пытаясь объяснить это явление, Быков отмечает: “Слова нужны были ему не с точки зрения смысла, а с точки зрения слуха”.

В этой связи плодотворно было бы рассмотреть, каковы особенности музыкальной основы поэзии Рубцова, чем отличаются его созвучия и настроения от мелодики других поэтов XX века. И здесь уже, опираясь на конкретные примеры, найти новаторство.

Говорилось на конференции и об удивительной способности Николая Рубцова не замыкаться только лишь на материальном, видимом мире: его взор постоянно устремлён в небо, тянется к Божественному. Вспомним также пристальное внимание поэта к разрушенным храмам, горечь утраты, скорбь по былой красоте древней Руси. Именно через такие детали передается православное мироощущение, а не через декларативные лозунги и прямые сюжеты, связанные с внешней церковностью.

Череповец: “Что вспомню я?..”

На конференции, что состоялась в Череповце, особое внимание было уделено вопросам творческой биографии поэта. Маргарита Салтан, представляющая музей Николая Рубцова в Апатитах (Мурманская область), провела расследование: мог ли быть Николай Рубцов в Ташкенте летом 1954 года? Сама она училась в том же Кировском горно-химическом техникуме, что и Рубцов, только на группу младше, и теперь, пытаясь закрыть “белые пятна биографии” поэта, стала свертывать факты, выписки и документы техникума, свидетельства очевидцев, в том числе Татьяны Агафоновой. “Рубцов очень любил Есенина, интересовался всем, что с ним связано. Есенин был в Ташкенте. Естественно, и Рубцову захотелось побывать в Ташкенте, подышать среднеази-

атским воздухом. В это время у нас студенты проходили производственную практику на руднике Шорсу. С 17 июня по 28 июля 1954 года. Рубцов мог договориться с товарищами по общежитию и приехать в Шорсу на практику. Он закончил первый курс, получил стипендию за июль и август. 30 июня прибыл в Тотьму на выпускной Татьяны Агафоновой, а 1 июля уже отплыл из Тотьмы и поехал поездом в Ташкент”, – такую канву событий представила Маргарита Анатольевна.

К сожалению, некоторые эпизоды из жизни поэта можно восстановить лишь косвенно. Где критерий правдивости воспоминаний? Горячую дискуссию вызывал вопрос: бывал ли Николай Рубцов в Биряково – родовом селе своих предков? Сам он об этом событии никак не упоминает, однако есть свидетельства очевидцев.

Особое направление всех конференций – это анализ переводов стихотворений Николая Рубцова на другие языки. Аспирантка Пекинского университета иностранных языков Лу Вэнья читала стихи Рубцова на китайском. “Мне очень нравится духовность в его стихах, он очень искренне выражает свои чувства. И стихи красивые, запоминаются легко”, – говорит Лу Вэнья. Александр Сурков, доцент кафедры лингвистики и коммуникативных технологий Государственного социально-гуманитарного университета в Коломне, представил свои переводы стихотворений Рубцова на французский язык.

“А ложатся они на французский очень и очень легко, – поделился Александр Сурков. – **Поэзия Рубцова – это букет. Не отдельные цветы, а именно букет разных цветов, разных запахов**”. Особое внимание учёный уделил значению междометия “меж”, которое встречается несколько раз. “Восход меж полей”. Создаётся ощущение, что маленьким и хлестким словечком “меж” – не “между”, не “среди” – волей или неволей поэт располагал себя в общинности. Он и сейчас находится среди нас.

Стихи Рубцова в красках

Своеобразным продолжением разговора о поэзии Николая Рубцова стала выставка художницы Веры Филипповой в Молодёжном центре “Тотьма”, торжественно открытая 21 января 2016 года.

Когда-то художник, профессор Череповецкого государственного университета, Вера Филиппова впервые побывала в новых, прежде не знакомых ей местах Вологодчины, в сёлах Никола, а затем в Бирякове и заброшенном Самылкове. Пейзаж там был не то чтобы лишён живописности – простор, конечно, радовал взгляд! – но слишком уж был суров и скуден. Здесь взору открывались холмы, серые травы под таким же серым небом. Разрушенная церковь без купола... Вязкое дорожное месиво, тёмные воды реки. Ничего особенного. Но именно с этого мгновения творчество В. Филипповой обретает новые оттенки и звучание. С одной стороны, она познала те самые пейзажи, которые писала сама. А с другой... Всё было для неё неведомым. Вся эта, казалось, неприглядная картина была наполнена какой-то безграничной поэзией. И не случайно! Ведь именно с этими сёлами связан творческий путь русского поэта Николая Рубцова: в Николе прошло его детство, а в Самылкове и Бирякове жили предки, чернососные крестьяне. Теперь Вера Филиппова словно читала по изгибам бурых высоких трав и завиткам облаков стихи Николая Рубцова, представляла его жизнь.

Ещё раньше Вере Ивановне Филипповой говорили об удивительном сходстве её картин с образами стихов Николая Михайловича Рубцова. “Да... верно, – думала художница. – Какие-то звучания могут быть. Ведь я пишу пейзажи Вологды, а это родина Рубцова. Так же, как и он, я не люблю фейерверки, мне дороже состояние тишины и созерцания”. Теперь, после поездки в родовые сёла поэта, она поняла, что “нашла в своей жизни человека, который абсолютно так же чувствует, хотя он поэт, а я художник”.

Вернувшись домой, в родной Череповец, Вера Филиппова взяла сборник Рубцова и будто впервые прочитала: “Тихая моя Родина, ивы, река, соловьи...”

– Раньше я тоже читала и знала многие его стихи. Но... здесь впервые поняла. Даже не столько поняла – почувствовала. Образы лаконичные, но ёмкие. С тех пор ни одно стихотворение Рубцова без слёз не могу читать и слушать. Просто растворяешься в содержании и звучании его строк. Они проникают в самую душу.

И тогда появился цикл живописных работ, который художница назвала “Рубцовская осень” (2014). Позже родились ещё два цикла: “Дорогами Рубцова” (2015) и “Рубцовская Русь” (2015).

В Бирякове художницу поразили и восхитили просторы, звёздное чистое небо. Бесконечность, что открывалась на краю села, “словно ты не на земле находишься”. Кругом холмы, а на каждом холме – по деревне, и не по одной. За лесами – река Сухона, воды не видно, однако в былые времена, когда по ней ходили большие теплоходы, над макушками деревьев можно было рассмотреть капитанскую рубку.

– До сих пор не могу понять, где здесь восходит солнце. Будто в другом измерении там находишься! Спрашиваю у местных жителей: где солнце заходит? Они отвечают: “Да вот там”. Там... Смотрю туда, солнце долго не пропадает, куда-то перемещается и оказывается чуть ли не на том же месте, где восходит...

Родина в поэтическом изображении Николая Рубцова – это грибные сказочные леса, древние погосты, вереницы птиц, журавли, избышки и цветущие луга, лошадь на мосту, ивы, омутные воды, берёзы и холмы, а также жаркие небеса, молитвы, таинственные голоса – звон бубенцов, хоровое пение – и Божий храм, исчезающий в веках, как сон.

– Как-то раз, – делится Вера Филиппова, – я писала работу в Белоозерском районе, в деревне Садовой. И увидела вдаль на холме храм. Шла к нему с этюдником полями, перешла ручей. Рядом в бурьяне и камышах пряталось заросшее озеро. Красивые места! Недалеко погост, растёт куст калины... Я поднялась на холм и вошла в храм. А там... Огромная, уходящая в бесконечность неба колокольня. Основная часть храма – несколько престолов. Но всё уже под открытым небом, разрушается... У самого входа лежат куски фресок невероятной красоты... Я плакала.

Напомним, образ храма занимает в художественном мире Николая Рубцова особо важное место, являясь духовной сердцевиной того, что образует пространство Святой Руси. В поэзии Рубцова образу сельского или городского храма возвращается сакральное значение святого места, которое вбирает духовный вектор таинственности, чуда и старины.

Такая бытийная особенность храма – его вечность, нетленность – проявляется и в произведениях Веры Филипповой. Дело в том, что, работая над картиной, она восстанавливает в пейзажах то, что мы утратили. Например, недалеко от села Биряково, в селе Спасское находился когда-то действующий храм Преображения Господня на шесть с половиной тысяч прихожан. Сейчас на этом месте лишь его останки. Однако в произведениях художника мы видим храм в его первоизданном виде! Он вписан в современный пейзаж. Невидимая реальность – вот основная тема и поэзии Николая Рубцова, и живописи Веры Филипповой. Сохраняя в образах “былую красоту”, и художница, и поэт возрождают Россию, дают надежду на преображение нашей души. Это – прежде всего. А там преобразится и всё, что вокруг...

Отзвуки телепередач

В 2016 году творчество Николая Рубцова было представлено на телеканале “Anna-news” циклом передач, автором и ведущей которых была я, Анастасия Чернова. Представляю вам краткий обзор самых интересных мнений.

Алексей Новиков, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета представляет “Рубцовский сборник”, в котором вышли и научные статьи, и воспоминания. В Череповце сложилась группа активных поклонников Рубцова – Сергей Дмитриев, известный коллекционер, Леонид Вересов и другие. В сборнике приведены архивные материалы Дмитриева. Ряд материалов посвящён работе рубцовских центров и музеев. Ситуация Рубцова уникальна. Один из исследователей посчитал, что, оказывается, рубцовских центров больше, чем пушкинских. Действительно! И география уникальная. Не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и городе Артема (Приморский край), Сургуте и др. Не будем забывать и главный музей, что в селе Николе.

У Рубцова есть два-три стихотворения, в которых есенинские мотивы однозначно звучат. Но на самом деле рубцовская образная система в значи-

тельной степени отличается от есенинской, для которой характерна яркая метафоричность. Рубцов избегает сложных метафор, язык его предельно прост. В этом смысле поэт ориентируется на Фета и Тютчева. Неслучайно — он сам об этом говорил, — хотел бы продолжить своей поэзией “книгу Тютчева и Фета”.

В стихах Рубцова возникает образ вечной России. Так, уже в 60-е годы появляется русский философско-обобщающий взгляд! Мы видим, что душа поэта лежала к Церкви, и по духу он был православным при отсутствии воцерковленности. Видимо, это ощущение Бога было родовым, внутренним. Такое осознание духовной истины не всем даётся!

Дарья Рубцова, художник, модельер, лауреат Российских и международных конкурсов, внучатая племянница поэта Николая Рубцова, говорит: “Он был... таким беспринутным...” Образ Николая Рубцова у меня сложился глубоко в душе, и этот образ вылился в картину, мою дипломную работу. Сейчас она находится в музее Череповца.

Николай Рубцов изображён в доме. Уже поздний вечер, сумерки. Николай был странником, мог приехать, переночевать, а потом уходил неизвестно куда. И вот на картине он находится в каком-то доме, где нашёл уют. За окном пейзаж, деревня. Сразу вспоминается строка: “В этой деревне огни не погашены...” Рубцов прижимает к себе книгу, самое главное своё сокровище, — “Волны и скалы”. Левую руку он держит на гармонии, которую тоже любил и не расставался с ней практически никогда.

В августе 2015 года состоялась пленер-экспедиция по местам Рубцова в Вологодской области. Мы побывали в селе Биряково. Затем в рамках фестиваля “Рубцовская осень” представили новые полотна.

Ирина Гращенко, доктор искусствоведения, историк кино, рассказывает: “Судьба подарила мне счастье встретить во ВГИКе Василия Шукшина. Он завершал учёбу, а я только поступила. К тому времени у Василия появились в печати первые рассказы, он стал сниматься как актёр у других режиссёров, вскоре вышел его первый фильм “Живёт такой парень”. В это же время стали печататься стихи Николая Рубцова. Лично я его не знала, но мне приходилось видеть поэта в Литературном институте, в котором он тогда учился. И я поняла, что есть внутреннее созвучие прозы Шукшина, того, что он снимает в кино, и того, что заложено в поэзии Рубцова. Для меня не было неожиданным, когда появился целый цикл Рубцова про Алтай, родные места Шукшина. Это стало приятным подтверждением родственности писателей. Затем я открыла для себя Валерия Гаврилина и художника Виктора Попкова, картины которого заметила на выставках молодых художников...”

Существует некое созвучие и разговор душ. Так получилось, что я выбрала эту четвёрку — композитор Гаврилин, поэт Рубцов, художник Попков и Шукшин, — которая объединила в себе всё: актёра, режиссёра, драматурга, сценариста.

— В чём проявлялось их созвучие?

— Я нахожу соответствия как в творчестве, так и в жизни. Все дети войны, все выросли без отца. У двоих отцы погибли, у Шукшина отец был репрессирован в годы раскулачивания. Рубцов и Гаврилин выросли в детском доме. Чем больше я погружалась в их судьбу, тем больше открывалось невероятное созвучие биографий. Как протекало их детство, что они любили и как творили, отбирая материал для своих произведений. Всё это подтверждает важную мысль: культура развивается определёнными направлениями, которые могут быть представлены самыми разными искусствами.

— Все они жили в советскую эпоху, но по типу творчества продолжали русскую культуру. Как нащупать грань между советским и русским художественным сознанием?

— Здесь нужно нащупать грань того, что мы называем идеологией. Даже если художник не говорит прямо: “Я приверженец марксизма!” — то всё равно внутри его творчества подобные взгляды обязательно скажутся. С другой стороны, у искусства русского и искусства советского были разные картины мира. Картина русской культуры мира отличалась православными мотивами, иногда открытыми, иногда потаёнными. Посмотрите на картины Попкова. Вот он больной, лежит в постели. Рядом стоит матушка и читает Евангелие. Ты смотришь на картину: просто старая мать и больной сын. Небогатая комната, всё очень просто и сурово. И вдруг ты понимаешь, что перед нами...

Богородица и Христос. Не только потому, что она держит Евангелие, но по тому, как это нарисовано.

– А как проявляются особенности русского мировоззрения в музыке?

– Гаврилин писал и балет, и оперы, и вокальные произведения. Но мне, прежде всего, он дорог как ораториальный композитор. В оратории слово соединяется с музыкой. Православные мотивы в творчестве Гаврилина проявляются через категорию соборности, выраженную в хоровом пении. Не случайно у знаменитых “Перезвонов” подзаголовок такой: “По прочтении Шукшина”. Гаврилин прочёл “Сельских жителей”, первый сборник рассказов Шукшина, и написал произведение “Перезвоны”. Сходство между героями моего исследования угадывается не по какой-то декларированной программе, а по мельчайшим моментам в языке, в живописи, в музыке... В том, что прослеживается как образный контекст творчества.

– Случайно ли, что никто из них не перешагнул рубеж 80-х годов?

– Это неслучайно. Во-первых, они все интеллигенты в первом поколении. А интеллигенты в первом поколении проживают невероятно активную духовную жизнь. Им надо догнать то, что не вложено родом, воспитанием. Я помню, как в одной мастерской учились Тарковский, сын поэта, человек, выросший в рафинированной творческой среде, и Вася Шукшин – человек с Алтая, из деревни. Сколько Шукшину нужно было над собой работать, сколько всего прочесть, передумать, прочувствовать для того, чтобы догнать своего сокурсника по уровню культуры! Сжигая себя, они рано умирают. Кроме того, практически все – Рубцов, Шукшин, Попков – жили в шестидесятые. Вдох приняли во время оттепели, а выдох – во время застоя. Не выдержали, имея отзывчивые сердца, которые принимают, прежде всего, чужую боль, а лишь затем – свою. У Шукшина сердце было, как тряпочка, как сердце восьмидесятилетнего старика. Об этом врач говорил на вскрытии... Рубцова и Попкова просто убили. Попкова случайно застрелил инкассатор, а Рубцова задушила его гражданская жена, что вообще за пределами понимания.

Родовое гнездо поэта

Галина Борисовна Прохорова (Рубцова), автор книги “Под куполом синих небес” и преподаватель литературы Екатерина Борисовна Никанорова, члены центра поэта Николая Рубцова в городе Череповце, активные участники проекта “Биряково – родина предков поэта Николая Рубцова”:

– Галина Борисовна, вы родились в деревне Самылково. Многие жители Самылково, а теперь уже и Бирякова носят фамилию Рубцовы. А где находится это село?

– Да, эта фамилия, действительно, очень распространена в наших местах. Село находится в 100 километрах от Вологды, в сторону Тотьмы. Его древняя, глубокая история описана в книге “Спас на Стрелице” (под ред. профессора А. В. Камкина). Сегодня Самылково пусто, все местные жители его покинули. Кто-то подался вообще в другие края, а кто-то переселился в ближайшее село Биряково, в том числе и родственники Николая Рубцова. Сюда же из Самылкова были перевезён и дом, в котором жили родители поэта. Поэтому **именно это село называется в последнее время прародиной поэта**. Здесь зародилась развивающаяся ныне идея: **“Биряково – прародина великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова”**. Идея стала официальным проектом.

Кроме того, Биряково является родиной одного из самых почитаемых вологодских святых – преподобного Вассиана Тиксненского. Его икона находится в ныне действующем храме Преображения.

– Когда вы узнали о существовании родового гнезда поэта?

– Вячеслав Сергеевич Белков, один из самых авторитетных исследователей жизни и творчества поэта, 25 лет назад открыл рубцовское Самылково. Ту самую деревню, где в течение почти четырёх веков жил старинный род тотемских черносошных крестьян Рубцовых.

– Бывал ли Николай Рубцов в этой деревне?

– Вопрос спорный. Мы записали воспоминания двух учительниц и рассказы местных жителей. Те юноши, с которыми дружил сам Рубцов, к сожалению, уже ушли из жизни, поэтому мы не можем подтвердить воспоминания этих замечательных женщин никакими документальными фактами.

– В Самылково и Биряково жили потомственные крестьяне. Получается, можно проследить историю рода очень глубоко. А с чего начиналась работа, давно ли она ведётся?

– Мы всегда помним Вячеслава Белкова; к его открытиям подключились и местные краеведы, а также те, кто был знаком с Рубцовым. В село приезжали его близкие друзья: Виктор Романов, Александр Коротаяев. Корни известной художницы-графика Генриетты Бурмагиной – также из Биряковской земли. Особенно активно мы работаем по этой теме в последние годы. Алексей Задумкин, управляющий ЗАО “Биряковское”, видит развитие современной деревни в таком концептуальном решении, которое принадлежит самому Николаю Рубцову. В стихотворении “Грани” есть такая строчка: “Но хочется как-то сразу // жить в городе и в селе”. Мы, может быть, не отдавая себе отчёта, сейчас так и живём. Ведь многие граждане России имеют квартиру в городе и дом в селе. Вячеслав Белков как-то сказал, что судьба Рубцова традиционна, типична для своего времени, но **у него есть отличительная особенность – четыре малые родины: деревня Самылково (родина предков), деревня Емецк (где он появился на свет), Никола (духовная родина) и Вологда (земля священная)**. Первая и главная для нас – это Самылково. Сегодня многие озабочены такими непростыми вопросами: откуда у Рубцова талант, глубинное понимание истории, культуры, космоса, такая высокая степень духовности?

Весь род Рубцовых жил и воспитывался в условиях православной общины. Самылково находилось в такой близости от храма в селе Спасское, что во время одного из пожаров этого храма обуглившиеся части его кровли долетали до этой деревни, за что она получила в народе название “Головёшки”. Под попечением батюшки жил весь старинный род Рубцовых. У нас есть доподлинно известные факты, что представители этого рода принимали активное участие в делах Церкви. Один был председателем приходского попечительства, другой был церковным старостой, матушка пела в церковном хоре. Сам по себе род очень талантливый. Если внимательно присмотреться к тому, что собой представлял род Рубцовых, то мы увидим, что в нём, как в капле воды, отразился весь русский народ.

Семья Рубцовых уехала из деревни в 1929 году – это год великого перелома. А какой у них был дом! Только представьте: двухэтажный, верхний этаж – шесть окон по фасаду, нижний – три окна, да зимняя изба. Они этот дом продали и поехали скитаться: Вологда, Емецк, Нямдома, опять Вологда... Хозяин, который купил избу, был репрессирован как владелец такого имущества. А сам дом перестроили в автостанцию, и все автобусы, которые шли по маршруту “Тотьма – Вологда”, останавливались рядом. Николай Рубцов ездил очень много, и наверняка он знал, что это дом его родителей. То же самое утверждает Вячеслав Белков. “Рубцов знал родину своих предков” – такая запись сделана в “Повести о Локтеве”. В наше время дом перевезли из Самылково, и сейчас он стоит в центре Биряково.

– Почему так важно знать о существовании Биряковской земли?

– Как-то так получилось, что начало судьбы Николая Рубцова многие его исследователи и почитатели связывают с детским домом, будто именно здесь сформировался его характер и мировоззрение, жизненные ценности. Детский дом, пребывание в Николе, конечно, повлияло на характер поэта, здесь родились многие образы его стихов. Но в то же время нельзя ограничиваться лишь этим. Исследователи поэзии Рубцова ставят такой вопрос: как появилось духовное восприятие жизни, что сформировало такую светлую душу, не омрачённую трудностями быта? Всё это ценности рубцовского рода, который 300 лет жил на земле. Вот духовная сила откуда!

– Как сегодня живёт и развивается этот род?

– Одна из ветвей этой династии никогда не уезжала из Биряковской земли. Она разошлась из Самылково по другим деревенькам. И сейчас в Биряково живут Рубцовы... Представителей биряковской ветви можно узнать по внешним признакам: они худощавые, подвижные, смуглые, черноглазые, трудолюбивые. Три брата Рубцова стали известными механизаторами, рационализаторами. Не было такой техники, которую бы они не могли отремонтировать. Сейчас семья живёт в Биряково, их дом – замечательная усадьба. Старшая дочка Наташа окончила школу с золотой медалью, младшая, Катя, отлично учится, поёт и танцует, любимый предмет – русский язык.

– Рассказжите о проекте “Биряково – прародина великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова”.

– Проект включает в себя много разных направлений, позволяющих погрузиться в историю места. Руководитель проекта – Алексей Задумкин. У нас созданы хорошие условия для развития сельского туризма. Уже на протяжении двух лет приезжают различные группы, всем предоставляется ночлег. Словом, всё создано для того, чтобы человек мог узнать о роде Рубцовых, хорошо отдохнуть, познакомиться с интересными людьми. Сотрудничаем с разными клубами: “Госпожа провинция” Череповецкого государственного университета, клубом Анатолия Ехалова “Вологодская деревня, будем жить”, Тотемским сообществом. Дружим и с музеем Николая Рубцова в Николе.

Марина Николаевна Кошелева, генеральный директор центра общественного просвещения “Бирюзовый дом” в селе Никола, рассказывает:

– Мы успели застать в толшемской долине скошенные поля, стога, пасущихся лошадей. Познакомились с самобытными, добрыми людьми. Несколько лет назад эта картина вдруг изменилась – пропали коровы, лошади... Мы стали жалеть о том, что теряем, и в 2012 году организовали первую экспедицию в село Никольское, которая называлась “Журавли над Николой”. Также мы ходатайствовали о том, чтобы в храме прошёл молебен, и впервые за 70 лет в нём зазвучали песнопения! Сегодня восстановлением церкви занимается директор никольского музея Рубцова, Галина Алексеевна Мартюкова.

В течение четырёх лет мы организовывали экспедиции на родину поэта. Также нами был разработан проект “Школа русского слова”: в разных форматах проходят мастерские по живописи и словесности, литературно-музыкальные вечера, творческие встречи. Стараемся сделать эти края доступными и привлекательными для туристов. На одной большой горе, например, мы поставили камень ледникового происхождения. Он такого же состава, как камень “Лось” на реке Сухоне. Так вот, отсюда очень хорошо видны окрестности Николы, описанные в стихах Рубцова. Здесь особенно проникновенно звучат его строки! А люди, кстати, уже приносят к этому камню цветы.

Подводя итоги

На протяжении нескольких лет, выступая с рассказом о жизни и поэзии Рубцова в самых разных аудиториях, почти всегда приходилось отвечать на один и тот же вопрос из зала: “Ну... а как, как он умер-то? Что там произошло?” – в глазах неподдельный интерес и даже аппетит, будто сейчас я выну из своего кармана кусок вкуснейшего пирога и положу на блюдечко. Пожалуй, это и есть обратная сторона явления, когда поэт “живёт в своём народе”. Как верно заметил Владимир Павлович Смирнов, “встреча Рубцова с академической наукой – это хорошо, слишком часто он попадал в руки безграничных любителей”.

Вторая печальная тенденция, которая всё ещё проявляет себя, – это бесконечный поиск виноватых. Это и город, и писательская организация, и друзья. Воспоминания, прежде всего, характеризуют самого рассказчика, специфику его восприятия и душевного устройства. Одно и то же явление каждый человек и видит, и интерпретирует по-своему. Это интересно, полезно, но от подлинного Рубцова может увести ой, как далеко.

Другое дело – сама поэзия, именно здесь и надо искать Рубцова, образ его мыслей, его нравственное кредо, особенности мироощущения. Сама поэзия первична, а потом уже сквозь призму поэзии можно будет проверить на подлинность выуженные из контекста якобы произнесённые Рубцовым слова и самые разные характеристики.

Подводя итоги, можно сказать, что в 2016-м, юбилейном году изучение поэзии Николая Рубцова вышло на новый уровень и продолжает своё развитие.